

Жаклин Холланд

Бог
БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X72

Jacqueline Holland
THE GOD OF ENDINGS
Copyright © Jacqueline Holland, 2023
All rights reserved

Перевод с английского Елены Нестеровой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Холланд Ж.

X72 Бог безвременья : роман / Жаклин Холланд ; пер. с англ. Е. Нестеровой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2025. — 576 с. — (Дары Пандоры).

ISBN 978-5-389-27108-1

Одинокая художница Колетт Лесанж живет в большом старом доме на севере штата Нью-Йорк, где содержит детский сад и обучает своих питомцев французскому языку и живописи. Однако за юной внешностью Колетт скрываются столетия страданий и душевной боли, тянущиеся с тех пор, как дед-вампир подарил ей бессмертие. Теперь, в 1984 году, ей кажется, что она научилась жить с этим непрошеным и нежеланным даром, но появление талантливого ребенка из неблагополучной семьи грозит разрушить ее хрупкий мир.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-27108-1

© Е. Е. Нестерова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Иностранка®

Не дай нам обмануться ложной правдой
Научи нас любить и проходить мимо
Научи нас смирению
Даже среди этих гор...

Т. С. Элиот. Пепельная среда

Господь отвечал Иову из бури и сказал:
Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?
Препояшъ ныне чресла твои, как муж:
Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне:

Где был ты, когда Я полагал основания земли?
Скажи, если знаешь.
Кто положил меру ей, если знаешь?
или кто протягивал по ней вервь?
На чем утверждены основания ее,
или кто положил краеугольный камень ее,
при общем ликовании утренних звезд,
когда все сыны Божии восклицали от радости?

Книга Иова 38:1–7 (Синодальный перевод)

I

Я росла в окружении мертвых. В то время кладбища были редкостью, и вместо них на любом клочке бросовой земли — на краю пастбищ, на заросших колючим кустарником каменистых склонах, в школьных и церковных дворах, — как бледные грибы, вырастали вразнобой небольшие семейные захоронения. Взгляд на неровные могильные плиты, чем-то похожие на кривые зубы, невольно наводил на мысль: кому же на самом деле принадлежит наш городок — живым, с их мимолетным существованием, или вечному миру мертвых?

Большинству людей неприятна мысль о близости смерти, их пугают любые упоминания о ней, но мой отец, первый профессиональный резчик надгробий городка Страттон штата Нью-Йорк, увековечивал горе и смерть в прекрасных образах и посвятил этому ремеслу жизнь. В моем детском сознании смерть так тесно сплелась с поэзией, мастерством отца, с чудесными творениями его рук, что я невольно испытывала к ней нежность.

Даже сейчас, много лет спустя, я как наяву вижу отцовские надгробия. Седой сланец, гладко отшлифованный, прохладный на ощупь; зернистый песчаник с красными, коричневыми и бежевыми прожилками; тальковый камень, такой мягкий, что надпись можно выдавить ногтем, но каким-то чудом противостоящий времени и стихии. Изящно выгравированные буквы, символы, кресты, кры-

лышки херувимов и печальные черепа; скошенные грани плит, гладкие и острые под подушечками моих маленьких пытливых пальцев.

Образ отца, как и его творений, тоже ясно сохранился в памяти. Вот он работает в мастерской. Ощупывает и осматривает каменную глыбу, ищет скрытые трещины, потом вставляет клин, легонько ударяет киянкой — и раскалывает камень так же легко, как отделяют дольки апельсина. Сосредоточенно бьет молотком по долоту, терпеливо снимает слои неподатливого сланца, словно картофельную кожуру, — и появляются очертания округлого тимпана. Работает резцом и напильником, шлифует, а затем сдувает с полированной поверхности сверкающую слюдяную пыль.

Совсем ребенком я любила набирать в рот каменную крошку: мне нравилось ощущать на языке ее шероховатую поверхность. Я почти не помню мать — она умерла, когда я была еще маленькой, но одно из воспоминаний осталось: чувство жгучей обиды оттого, что ее палец грубо шарит у меня во рту в поисках очередного камешка. А затем она тоже превратилась в могильную плиту: сливочно-желтую, пронизанную тонкими железистыми прожилками и украшенную по бокам завитками и розетками, с выгравированной в центре надписью «Любящая мать». Плиту я помню куда лучше, чем маму.

Я люблю вспоминать об отце, его мастерской и его надгробиях, но мозг — тупая машина ассоциаций — сразу же уносит меня от милых сердцу воспоминаний к другим, мучительным и мрачным. Не успеваю я и глазом моргнуть, как уже вижу се-

бя и старшего брата Джейкоба в городской кузнице. Мне десять лет, Джейкобу — четырнадцать (в этом возрасте мы умерли), вокруг — угрюмые соседи, они заставляют нас глотать пепел сожженного тела отца в твердой уверенности, что это излечит нас от недуга.

Тут я усилием воли останавливаю вихрь воспоминаний, стараясь стереть из памяти маленькую девочку, которая кричит и давится пеплом. Но она продолжает безостановочно кричать в моей голове.

Наступили ужасные времена. В 1840-е годы страх смерти переполнял все живое, и люди искали утешения только в собственном воображении. После процесса над салемскими ведьмами прошло больше ста лет, но страшное и непонятное все так же обрастало суевериями и небылицами. Нет ничего хуже неизвестности, поэтому люди цеплялись за веру в сверхъестественное. В неурожаях или увечьях винили демонов, объясняли их сделкой с нечистым, видели в них кару за нераскаянный грех. И когда в нашем городке стали умирать от неизвестной хвори — туберкулеза, как мы теперь знаем, — поползли вымыслы и слухи. Вместе с болезнью они быстро распространились по всему восточному побережью.

Шепотом говорили, что неупокоенные мертвецы по ночам выползают из могил и преследуют своих родных, высасывают до последней капли их кровь, загоняя в могилы по соседству. Как иначе объяснить, почему здоровые, полные жизни мужчины и женщины внезапно чахли, спадали с лица, кашляли кровью?

Никто ничего не знал о микроскопических смертоносных бактериях, разлетавшихся с мокротой при кашле больного. В том, что медленной чудовищной смертью погибали целые семьи, людям виделся злой дьявольский умысел — обдуманый, спланированный и преднамеренный.

Слушая рассказы о кровососущих мертвецах, они понимали, что надо предпринять, чтобы положить конец их злодействам: если покойник недостаточно мертв, то надо раскопать его и упокоить по-настоящему.

Стали выкапывать трупы. Когда заболела вторая жена мистера Джедидайи Берда, бондаря, из могилы вытащили тело его первой ревнивой жены. С тех пор так и повелось: вскрывали гробы, смотрели на покойников, обсуждали их внешний вид. Вот дочка Уисли умерла от скарлатины в начале зимы, а выглядит так, будто ее похоронили всего неделю назад. Никто не задумывался, что труп девочки, несколько месяцев пролежав в глубоко промерзшей земле, порозовел, потому что понемногу оттаивает. Зачем рисковать?

Люди, хранившие в памяти сокровенные знания о старинных европейских преданиях, советовали остальным, что делать.

— Надо сломать им руки и ноги — тогда они не смогут ползать по ночам.

Когда это средство не помогало и больной не выздоравливал, предлагалось новое.

— Надо достать сердце — увидим свежую кровь, и все станет ясно.

А потом:

— Что толку в этой ясности? Какая может быть ясность, если речь идет о сверхъестественном и богомерзком? Отрезать голову, вот и все. А для надежности еще и сердце сжечь. А потом все члены семьи покойника должны съесть этот пепел. Тогда демонам будет не ужиться в теле живого человека.

Мой отец, резчик надгробий, всю жизнь старался помочь ближнему своему примириться с мыслями о смерти, и эта война казалась ему отвратительной. При каждом удобном случае он доказывал в свойственной ему мягкой, но непреклонной манере, что усопшие не имеют отношения к недугам живых и что грех и кощунство обходиться так с их телами, но вряд ли ему удалось убедить в этом кого-то кроме меня. И когда у него тоже начался кашель, мне казалось, что я ловлю во взглядах тех, кого он осуждал, гадкое удовлетворение.

Дьякон Уилт был одним из них. Этот нервный, страдавший одышкой человек возглавил войну против неупокоенных мертвецов и с удовольствием, вооружившись святой водой и распятием, участвовал в эксгумациях.

— Говорят, у Питсбурга нашли вурдалака, — сказал дьякон Уилт, заглянув однажды к отцу в мастерскую. Дьякон расхаживал по мастерской с праздным любопытством человека, никогда не работавшего руками, брал в руки инструменты, разглядывал их наконечники и, делая шаг назад, натывался на груды неотесанных глыб, чуть не роняя их.

— Насосавшийся, как клещ, — продолжал он добродушно, хотя никто — ни отец, ни брат, помогавший ему, ни, конечно же, я — не поддержал

тему его разговора. — Рот у адского отродья весь в крови. Проткнули ему живот, и горячая кровь лилась почти час.

— И ты в это веришь? — спросил отец, продолжая ударять молотком по долоту и не отводя взгляда от места в камне, куда упирался его накопчик.

Брат, сидевший рядом с отцом на табуретке, в ужасе раскрыл рот, забыв о том, чтобы обрабатывать камень напильником. Но взгляд отца вернул его к работе.

Дьякон нахмурился и, пытаясь скрыть обиду, принялся разглядывать пыль на своей черной сутане. Затем достал платок и начал с ожесточением стирать ее. От приступа кашля грудь отца затряслась, он попытался сдержать его, но не смог — пришлось поднять полу блузы и прикрывать ею лицо, пока кашель не стих. Дьякон смотрел, как отец кашляет, негодование сменилось на его лице выражением сочувствия.

— Мы уже потеряли половину жителей городка, Айзек, — сказал он. — Еще половина болеет, как и ты. Так к концу зимы в городе никого не останется. Ты нам нужен здоровым, и Джейкоб тоже. Мы не можем терять еще людей. Ни единого.

Подойдя к окну, он взглянул на две могилы на вершине холма, выделявшиеся на фоне заходящего солнца. Могила матери и младшей сестры.

— Ты должен их раскопать.

— Нет, — не задумываясь ответил отец, не глядя на дьякона. — Ни за что.

Дьякон опустил голову, принимая важный вид.

— Разделяю твои чувства, Айзек, — сказал он тихо. — Мне тоже отвратительно это занятие. *Скверное* дело, но силы ада творят еще более скверные дела. Нам не нравится этим заниматься, но мы должны, это наш долг. — Дьякон Уилт показал на бледные капли крови на отцовском фартуке. — Иначе вы все умрете.

Дьякон ушел, брат снаружи складывал дрова в ящик, и мы с отцом остались в мастерской одни среди стоящих на столах каменных глыб, залитых светом и казавшихся оттого островами посреди стремительного потока.

— Папа, — спросила я его, — папа, ты умрешь? Это правда, что сказал дьякон Уилт?

— Безусловно, — ответил он спокойно, продолжая ритмично стучать молотком. — Как и ты, и все, кого мы знаем.

Он помолчал, дав мне время проникнуться смыслом его мрачных слов, а потом обернулся, сочувственно улыбнувшись. Он развел руками, показывая на могильные плиты у стен мастерской, как законченные, так и те, над которыми он еще продолжал работать.

— Все мы уходим из этого мира в мир иной: это наш удел как смертных и дар нам свыше, и, если бы я стоял перед выбором, умереть прямо сейчас или никогда, я бы не колеблясь умер сейчас, чтобы как можно скорее предстать перед нашим Господом и Отцом. Не стоит бояться смерти, Анна.

— Да, папа, я все это знаю. И я не боюсь смерти, но я... я боюсь... — Слова внезапно застряли у меня в горле, и я запнулась. Не в силах говорить, я води-

ла пальцем по краю гранитной глыбы, ощупывая впадинки и трещинки, стараясь справиться с душившим меня страхом и неумолимо подступавшими слезами.

— Боишься чего, любимая? — Отец распахнул белые от каменной пыли руки, чтобы обнять меня.

— Я боюсь, что ты умрешь, а я нет, — ответила я, неуклюже бросаясь в его объятия, — боюсь, что останусь одна, без тебя.

Я прильнула к нему, охваченная внезапным ужасом.

— Мне бы хотелось умереть вместе с тобой, — прошептала я.

Отец крепко прижал меня к себе, и мы долгое время молчали. Наконец, он прокашлялся и вытер лицо тряпицей из кармана.

— Наш срок отмерен Создателем, — сказал он хрипло. — У меня свой срок, а у тебя свой, и, хотя это нелегко, мы должны довериться божественному промыслу и мудрости.

— Знаю, — прошептала я дрожащим голосом, — но я все равно очень боюсь.

Отец приподнял мой подбородок. На его бледном лице проступали капельки пота, а глаза горели странным нездоровым блеском. Я закрыла глаза, не в силах больше сдерживать слезы, и они потекли по моим щекам.

— Все в порядке, — сказал отец, нежно вытирая их носовым платком. — Ему можно доверить и наши страхи.

Зная, как я люблю помогать ему, он вручил мне молоток. Я взяла его и протянутое рубило, и отец поставил меня между собой и камнем, над кото-

рым работал. Положив свои большие умелые руки поверх моих, он руководил моими движениями, и мы вместе вырезали прекрасный гладкий край.

— Что же мы с тобой будем вырезать в грядущем мире? — спросил отец, стирая пыль с камня и удовлетворенно оглядывая нашу работу. — В них больше не будет нужды.

— А мне почти жаль, — ответила я. — Они такие красивые.

Он улыбнулся и поцеловал меня в лоб, обжигая губами мою кожу.

Мы не раскопали могилы матери и сестренки, и мой отец умер. Кроме того, недуг, тихо зарождавшийся в нас с братом, превратился в серьезную болезнь. Мы оба походили на скелеты с ввалившимися глазами, кашляли, задыхаясь, кровью и густой белой слизью, и, казалось, скоро последуем за отцом, как пророчил дьякон Уилт.

Несколько недель, странных и смутных, когда смерть все ближе подступала ко мне, я приходила в мастерскую отца посидеть в тишине среди его инструментов, неотесанных каменных плит и неоконченных надгробий.

Помню, что отец очень ослаб от болезни и его надгробия становились все меньше и проще. То, над которым он работал перед самой смертью, было не больше плиты для мощения мостовой. На нем была выгравирована, но не до конца, одна-единственная стихотворная строка. Это была строка из «Десятого священного сонета» Джона Донна, любимого стихотворения отца. Когда я увиде-

ла ее, то поняла, что этот камень предназначался для него самого.

Я решила закончить надпись. Сколько раз я делала это вместе с ним и его руки водили моими руками? Теперь я точно смогу сама. С трудом удерживая резец, я принялась за дело. Это оказалось ужасно трудно. Едва начав, я отколола кусочек камня размером с пуговицу. Гладкая поверхность была испорчена. Я разрыдалась и чуть не отступила от задуманного. Но я попыталась еще раз. Выходило плохо, но я не сдавалась. От слабости я быстро уставала, и на то, чтобы высечь три оставшихся слова, у меня ушло две недели. Все это время во мне зрела решимость самой похоронить отца, поставить на его могиле надгробие, которое мы изваяли с ним вдвоем, он и я, и сделать это в тайном месте, где бы никто не нашел и не потревожил его.

В дождливый день ранней весной я понесла надгробный камень — мне он тогда показался неподъемным, хотя весил не больше пятнадцати фунтов¹, — из мастерской через топкие поля в голый безлистный лес. Натыкаясь на деревья, я уходила все глубже в лес, сквозь сменяющие одна другую полосы солнечного света, под звонкий треск тающего снега и одинокое карканье наблюдающих за мною ворон. Приходилось часто останавливаться на отдых, прислоняясь горячим лбом к деревьям и тщетно пытаясь перевести дыхание, остававшееся таким же прерывистым и неглубоким.

Наконец, решив, что отошла достаточно далеко, я поставила надгробие на землю, опустилась

---

¹ 6,8 килограмм. — *Здесь и далее прим. перев.*

рядом с ним и какое-то время беспомощно рыдала, не обращая внимания на мокрую грязь, которая впитывалась в юбки.

— Папа, — прошептала я камню. — Мне страшно. Ты бросил меня, папа. Надо верить в Господа и Его мудрость, знаю, но я не могу. Я просто хочу быть с тобой. Я не хочу оставаться одна в этом мире. Это слишком ужасно.

Вода все капала и капала, где-то выводил трель кардинал. В лихорадочном возбуждении я стала выискивать птицу в кронах деревьев и обнаружила ее высоко в ветвях. Ярко-красный самец горделиво высматривал в долине что-то важное для себя. Внезапно я перестала понимать, зачем нужны люди, что они видят в жизни, кроме мучений? Как будто с высоты птичьего полета, я смотрела вниз на убогие человеческие деревушки в полном недоумении. Жалкие животные, подумала бы я, представляя себя птицей, бедные несчастные твари, ползают по земле, не зная до самой смерти ничего, кроме тяжелого труда, страха и страданий. Им лучше в земле, где они обретают, наконец, тишину и покой.

— Зачем нам вообще этот унылый мир, папа? — спросила я вслух. — Папа, пожалуйста, если это в твоих силах, дай мне тоже умереть и забыть про это место. Меня с ним ничто не связывает.

На зов кардинала откликнулась услышавшая его вдалеке птица, а на мой не откликнулся никто, поэтому я поднялась и пошла домой, оставляя на деревьях зарубки и думая, как дотащить тело отца до его могилы. Его окоченевший, завернутый в саван труп, пока стояла холодная погода, лежал в са-

рае. Горожане, которым приходилось в поте лица выкапывать мертвые тела, не видели причин торопиться и закапывать одно из них, к тому же труп мог оказаться сомнительным, и его бы пришлось откапывать снова.

Если бы у меня получилось водрузить отца на телегу, думала я, то было бы проще, но вряд ли я его подниму. Можно ли рассчитывать на помощь Джейкоба? А если и да, то хватит ли у него сил, чтобы помочь? Но на следующий день, когда я зашла в сарай проверить, смогу ли поднять тело, его там не оказалось.

— Джейкоб! — прокричала я, вбегая в дом. — Джейкоб! Отец! Его тело исчезло!

Мой брат, изможденный и бледный как мел, сидел перед огнем. Вокруг него, осторожно помогая ему встать, сгрудились дьякон, бондарь и медник. Они как один обернулись ко мне, и я сразу поняла, зачем они пришли. Я замотала головой и заплакала.

— Нет, — яростно прохрипела я. — Нет! Ни за что!

Кто знает, когда они раскопали тела и кто из наших друзей и соседей участвовал в этом? Кто из них отрезал головы нашим родным? Кто ломал им руки и ноги? Кто извлекал сердца и рассекал их в поисках свежей крови жертв? Мучили ли их угрызения совести, когда они потрошили земные оболочки тех, чьи жизни так тесно переплетались с их собственными? Кем бы они ни были и какие бы чувства ни испытывали, они справились со сво-

ей чудовищной задачей, и когда нас привели в кузницу, все было готово к сжиганию.

У брата не было сил стоять, и мистер Берд поддерживал его, пока тот вдыхал дым от сжигаемых сердец. Я сопротивлялась. Они тащили меня за руки, но я брыкалась и царапалась, пока они не сдались. Потом, когда от всего осталась горстка маслянистого пепла, дьякон Уилт зачерпнул его и положил на обложенный белым налетом язык брата.

Я думала, что спасена, что мой отпор оказал желаемое действие и мне придется только смотреть на весь этот ужас, но тут меня неожиданно схватили. Кто-то крепко сжал одной рукой мою грудь, а второй придерживал голову, так что мне было не пошевелиться. Мне раздвинули губы, и рот наполнился пеплом. Я всхлипнула, пыль попала в нос, и я чуть не задохнулась. Давясь и крича в бессильной ярости, я колотила кулачками по всем, до кого могла дотянуться, пока меня не оттащили прочь.

— Да она словно одержима бесами, — расслышала я неприязненное бормотанье дьякона.

Брат, прежде отличавшийся крепким здоровьем, вскоре умер, а я, хилая, тощая девчушка, всего десяти лет от роду, которую смерть должна была бы взять первой, цеплялась за жизнь. Никто не хотел брать меня к себе, и я очутилась в доме священника, где дьякон смотрел на меня с таким подозрением и неприкрытой ненавистью, что я жила в постоянном страхе, ожидая от него чего-нибудь ужасного.

И вот однажды от парадного входа в дом послышался звук громких шагов. В гостиную, где я лежала в горячке на ветхой кровати, не в силах пере-

двигаться, вошел седовласый джентльмен в лучшем из когда-либо виданных мною костюмах для верховой езды. Глаза его были янтарного цвета, а изборожденное морщинами лицо показалось мне смутно знакомым.

Дьякон вбежал в комнату вслед за ним, невнятно что-то выкрикивая в знак протеста.

— Эта девочка — моя внучка, — произнес вошедший громогласным голосом с заметным акцентом, тоже смутно знакомым, как и его лицо, — ее отец писал о своей приближающейся смерти и просил, чтобы мы с бабушкой взяли детей под свою опеку. Как я понимаю, он умер?

Незнакомец вынул из кармана сложенные страницы письма и сунул их дьякону Уилту, а потом шагнул через комнату и поднял меня на руки. Дьякон молча разглядывал письмо, а я, оказавшись на руках у незнакомца, растерянно всхлипнула.

— Спокойно, детка, я твой дедушка, — он посмотрел на меня, а потом обратился к дьякону: — Где мальчик?

— Мальчик умер, — холодно ответил дьякон.

Мужчина прижал мою голову к груди, как будто оберегая меня от того, что я уже и так знала, развернулся и направился к двери.

Это был второй муж моей овдовевшей бабушки, купец из Дубровника и торговец лошадьми. Они с бабушкой жили в двадцати милях отсюда в Порт-Честере, и мы много лет не виделись. На то были свои причины, но какие именно, я не знала — что-то связанное с религией, — и теперь других родственников, кроме них, у меня не осталось.

— Это из-за нее, из-за нее, — сказал дьякон, пытаясь поспеть за бабушкой, пока тот нес меня к своей коляске, — могли умереть все остальные.

— Којеџтарија!¹ Вздор! — фыркнул дедушка, усадил меня в экипаж и укутал одеялами. — Этот ребенок так же безнадежно болен чахоткой, как и все остальные. А то, что служитель церкви погряз в суевериях, как языческий жрец, что ж, жаль, но я не удивлен.

Он забрал у дьякона трепещущие на ветру листки письма, разгладил их, сложил пополам и убрал в карман. Затем он вскочил на место возницы, натянул поводья, и Страттон скрылся с моих глаз навсегда.

До бабушкиного поместья в Порт-Честере в двадцати милях от Страттона (немыслимое для меня расстояние) мы добрались за несколько часов. Дом, куда мы приехали, должно быть, был грандиознейшим из виденных мною сооружений, но мне было так плохо, что я едва обратила на него внимание.

Бабушкино лицо несколько раз возникало возле моей постели, из-за горячки оно казалось изменчивым, расплывчатым и искривленным. В основном за мной ухаживал дедушка. Моя болезнь была ему не страшна по причинам, которые я раскрою позже. Он читал стихи на чужом раскатистом языке, его низкий звучный голос проникал в мое помутненное сознание, и я стала узнавать о его присутствии по запаху табака, кожи и конюшни. И если

---

¹ Вздор! (*хорват.*)

я просыпалась, а запаха и стихов не было, то начинала хныкать.

Условия улучшились, но болезнь не отступала. Я становилась живым скелетом, мои руки подходили на кости, обтянутые тонкой муслиновой тканью — моей кожей. Покрывавшая меня испарина пахла выдохшимся пивом. Я могла проглотить только жидкий бульон. От безысходности пригласили врача, чтобы сделать мне операцию, которая, по слухам, кому-то помогла. Он приложил мне к носу пропитанный эфиром платок, затем проделал в моей груди дыру, чтобы выпустить дурной воздух. Все это время дедушка держал меня за руку, а я в забытьи что-то бормотала. К концу операции весь пол был залит сгустками моей крови, похожими на тряпичные лоскуты, а мне стало только хуже. Я катилась к смерти, как камень, сорвавшийся с вершины холма.

Перед самой смертью открывается таинственное пространство, в котором призрачный вестник беззвучно дует в трубу, возвещающая о приближении непостижимого. Воздух колеблется на другой частоте, и нет ничего, кроме ожидания. Именно в этом пространстве, среди этих колебаний, благодарно ожидая приближения смерти, я на мгновение приоткрыла глаза и увидела рядом с собой Смерть. Складки черного плаща. «Черный плащ, — вспоминаю я свои мысли, — значит, смерть — это человек, человек в черном плаще».

Ужас, полностью оторванный от реальности, мелькал и терялся в последних обрывках моего сознания. Разве так может быть? Где Иисус и ангелы-хранители? Они должны забрать мою душу

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЖАКЛИН ХОЛЛАНД
БОГ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.06.2025.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 30,24, Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-PDA-36110-01-R